

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА
НАУКА И ЖИЗНЬ

Сергей Бакатов

*Поговори
со мной...*

ЗАПИСКИ ВЕТЕРИНАРА

Сергей Бакатов

Поговори со мной... Записки ветеринара

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6190803

*Поговори со мной... Записки ветеринара: АНО Редакция журнала «Наука и жизнь»; М.: 2012
ISBN 978-5-904129-06-4*

Аннотация

Книгу, которую вы держите в руках, вполне можно отнести ко многим жанрам. Это и мемуары, причем достаточно редкая их разновидность – с окраины советской страны 70-х годов XX столетия, из столицы Таджикской ССР. С другой стороны, это пронзительные и изящные рассказы о животных – обитателях душанбинского зоопарка, их нравах и судьбах. С третьей – раздумья русского интеллигента, полные трепетного отношения к окружающему нас миру. И наконец – это просто очень интересное и увлекательное чтение, от которого не смогут оторваться ни взрослые, ни дети.

В основу записок ветеринарного врача Сергея Бакатова «Поговори со мной» легли очерки, опубликованные в 2006—2011 годах в журнале «Наука и жизнь».

Содержание

От автора	4
Жур и Журка	7
Охота на вампира	19
Радж	28
Рома, Бой и Катерина	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Сергей Бакатов

Поговори со мной... Записки ветеринара

От автора

*«Направление деятельности зоопарка — разведение животных редких и исчезающих видов с целью сохранения этих видов...»
(Из положения о государственных зоологических парках)*

Родился я в Москве. Дом наш, с классическим московским двориком, располагался на углу Садовой улицы и Колхозной площади. Этого дома давно уже нет.

На лето меня отправляли в Севастополь, к другой бабушке. Кстати – тот же классический дворик пятидесятых годов, на пять семей, и еще общежитие. В этом-то дворе все и началось.

Жили мы на втором этаже, на который вела деревянная лестница. Под этой лестницей остался маленький домик-закуток, в котором по вечерам собирались все дворовые дети «травить страшные баланды». Именно в этом домике я впервые обнаружил в себе дар (а это именно дар) ветеринара.

В те давние времена численность кошек регулировала соседка – очень злая тетя Паша. Почему-то именно у нее кошка всегда воровала рыбу, а бывало, что и кур, прямо из-под носа. Наверное, тетя Паша с удовольствием утопила бы кошку, но она понимала: не будет кошки – придут крысы. Кошку не любила только тетя Паша, а вот крыс не любили все. Когда тетя Паша расправлялась с котятами, мы не видели, но однажды нам удалось-таки выследить место их захоронения.

Место нашли быстро, да и раскопали быстро. Не знаю, зачем мы это делали... Котята не подавали никаких признаков жизни. Но мне очень захотелось одного дымчатого котенка

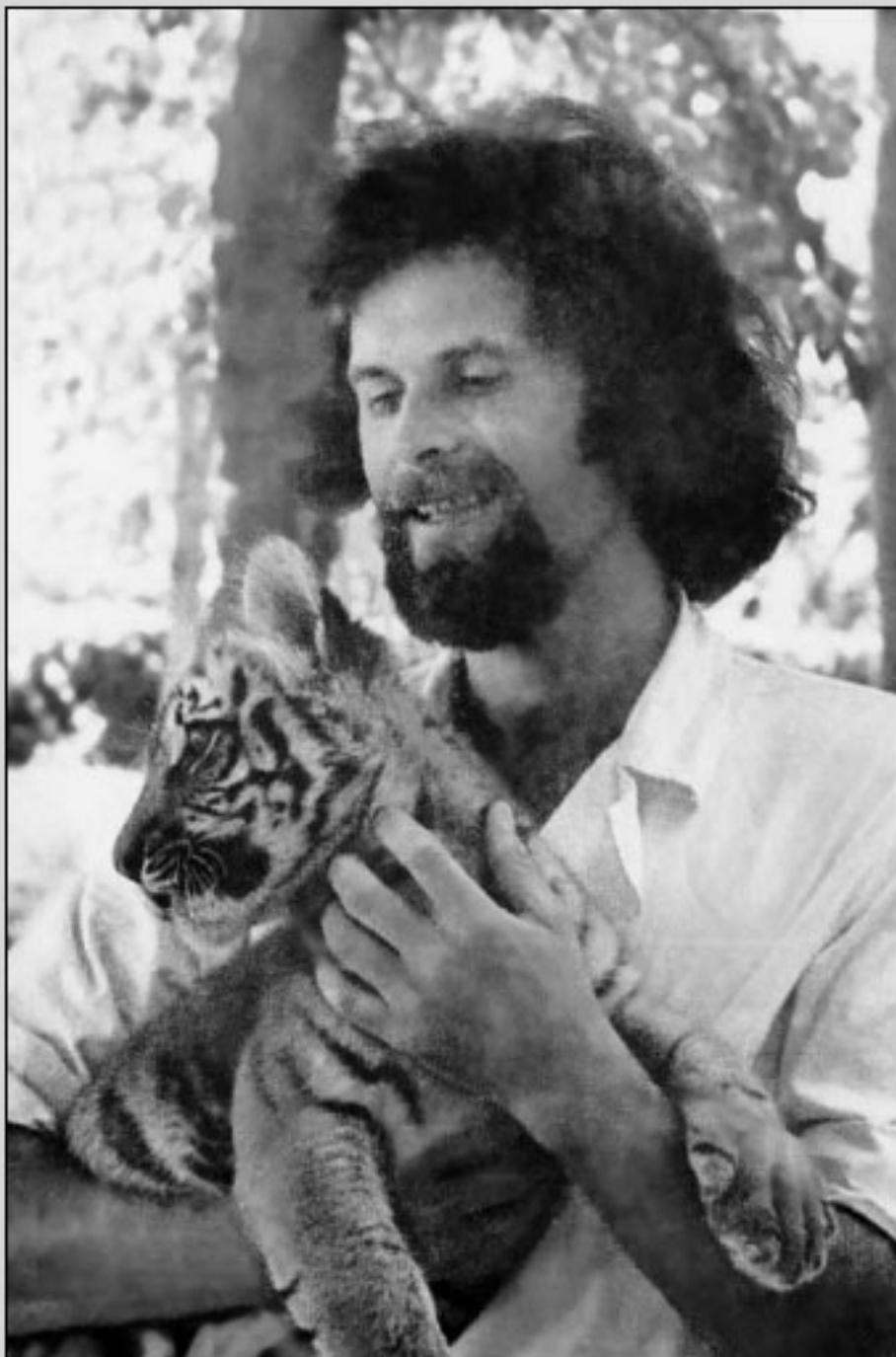
оживить и поселить в том самом маленьком домике под лестницей, куда никогда не заходили взрослые.

Я очистил ему рот от земли и несколько раз туда легонько дунул. И маленькое тельце дрогнуло, шевельнулось...

Потом, несколько лет спустя, этот дымчатый комочек стал легендой улицы. Но это – другая история. А я почти пятнадцать лет спустя стал ветеринаром.

Между обычным и ветеринарным врачом имеется одно весьма существенное различие. Пациент может довольно внятно и подробно описать, что его беспокоит. А вот ветеринару приходится, что называется, читать по глазам.

Привычка читать по глазам неизбежно влечет за собой расширение внимания. Расширение внимания, в свою очередь, приводит к пониманию и постепенно подводит к той грани, за которой заканчивается твое собственное сознание и начинается окружающий мир. В конце концов, граница тебя самого и окружающего мира незаметно стирается, и ты вдруг начинаешь ощущать себя продолжением всего сущего...

С. Ю. Бакатов

Жур и Журка

В дверь зоопарковской ветлечебницы, где я сидел за столом и писал, кто-то настойчиво постучал.

– Да-да! – ответил я, продолжая заполнять амбулаторный журнал.

Никто не ответил. За дверью было тихо, и я снова погрузился в свои мысли.

Рабочий день начался очень рано и не очень весело. Рано – потому, что я любил приходить на рассвете, когда еще в зоопарке из служителей почти никого нет. А не весело – потому что во время утреннего обхода на дальнем пруду зоопарка, где обитала парочка журавлей-красавок и с десятков разных уток, обнаружили тушку журавля с перегрызенным горлом. Это была Журка – именно так звали пострадавшую журавлиху. Пруд, на котором это произошло, был небольшой и совсем неглубокий. Журавли с видимым удовольствием его периодически бороздили вдоль и поперек, аппетитно при этом чавкая клювами по воде. На мелководье водилось много мелких рыбешек и головастиков.

Набив полный клюв, журавли задумчиво поднимали головы и стряхивали улов в пищу-вод. По берегу пруда рос высокий и местами довольно густой тростник, где журавли могли спокойно прятаться от посторонних глаз. Иногда смотришь – вроде на пруду никого нет. А приглядишься – журавль! Настоящий. Красивый.

Журавли любят уединение. И здесь, в этих маленьких тростниковых джунглях небольшого пруда, им было очень комфортно.

Журку обнаружила птичница – апа Ньюра, так звали эту маленькую, немолодую, но очень проворную женщину. На работу она обычно приходила, пожалуй, раньше всех. По крайней мере, когда приходил на работу я, она уже была в трудах (и к этому времени она обычно уже обладала всей информацией обо всем произошедшем в зоопарке за минувшую ночь).

Всегда, еще издалека заметив ее красные шаровары с полосатым рисунком, немного напоминающим северное сияние, и цветастое платье, поверх которого был накинута халат, я улыбался ей. Ее наряд дополняли черные резиновые калоши, надетые на босу ногу и обязательно поверх головы большой платок, повязанный чисто по-таджикски: туго почти над

бровями и спадающий бахромой до поясницы. Платья и платки у таджичек – предмет особой гордости, так как они часто их сами для себя вышивают.

К костюму Ньюры иногда еще добавлялся фартук, а в руках ведро и совок с веником. Но при этом заметим, что бы у нее ни было в руках, несла-то она всегда именно платок на голове. То, что при этом было в руках, оставалось как-то за кадром и второстепенным. Апа Ньюра почти не говорила по-русски.

– А-а-а, Сиродж! Инджабье! Хозир! (Иди сюда! Быстрее!) – окликнула меня взволнованная апа Ньюра.

Практически с первого дня работы в зоопарке все таджики меня окрестили Сиродждином. Апа Ньюра любила сокращенный вариант – Сиродж. Мне очень нравилось, как она меня называет.

– Ассалом алейкум, апа Ньюра! Чи хели? (Здравствуйте, как дела?) – сложив руки ладонками у груди, поздоровался я с птичницей.

– А-а-а, савсем плахой осталса! – причитала апа Ньюра, показывая рукой в сторону дальнего пруда.

– Что случилось?

– На далний хауз Журка мурд аст! (Журка на дальнем пруду умерла.) – Апа Ньюра, прихватив рукав моего халата, почти потащила в сторону дальнего пруда или хауза – так зоопарковские сотрудники называли все водоемы.

А слова *касал*, *мурд*, *хором* и *халол* – это слова, которые я все же очень быстро и хорошо запомнил, так как они не предвещали ничего хорошего. Мурд – это как раз то, что и произошло с Журкой.

Мы быстро добрались до водоема. Ловко открыв замок и что-то продолжая причитать по-таджикски, птичница зашла в вольер. На берегу водоема недалеко от нас стоял журавль-красавка. Кивнув головой в сторону журавля, Ньюра позвала меня жестом руки.

Я подошел к журавлю. Возле него в уютной травяной ямке лежала Журка. К моему большому удивлению, он не проявил никакого беспокойства, связанного с появлением постороннего человека в вольере. Последний раз я был так близко от него, когда эта пара журавлей только прибыла в зоопарк и было необходимо произвести некоторые процедуры, связанные с их дальнейшим содержанием. Кстати, именно тогда апа Ньюра их сразу и назвала – Жур и Журка. С тех пор мне к нему ближе, чем на 10—15 метров, подходить не удавалось. И вот теперь журавль стоял рядом с нами и бессмысленно-растерянным взглядом смотрел по сторонам. Он даже разрешил себя погладить и, казалось, ждал от нас какой-то помощи. Он никак не хотел понимать, почему его подруга не встает. Жур несколько раз садился и потом сразу вставал. А то просто топтался на месте – то ли от волнения, то ли хотел показать своей подруге: «Смотри, это же так просто – раз и встал! Нам же надо уйти в укрытие, здесь чужой».

Чужой – это я, апа Ньюра у них уже давно была за своего.

Тем временем я приступил к осмотру места происшествия. Горло у Журки явно перегрыз какой-то небольшой зверек, вероятнее всего, когда она еще спала. Нападение произошло так быстро, что она даже не успела подняться на ноги. Вообще журавли могут спать и стоя, еще при этом засунув голову под крыло. И не кувыркнется же при этом! Но в этот раз, наверно, было слишком велико искушение присесть в уютную травяную ямку и, забыв про равновесие, просто сладко поспать. Крови ни на перьях, ни на земле почти не было. Ранка на горле была совсем небольшая. Выходит, все, чем успел полакомиться ночной хищник, – это несколько десятков миллилитров крови, которая была тщательно кругом вылизана. Журку похоже, тоже немножко досталось. Скорее всего, он пытался защитить свою подругу – у него было несколько неглубоких ранок на ногах, которые, впрочем, не вызывали опасения.

Апа Ньюра что-то бормотала журавлю по-таджикски, как бы извиняясь и его жалея. Было очень необычно смотреть на них со стороны. Они были почти одного роста. Продолжая говорить, она нежно гладила своими узловатыми, натруженными пальцами его длинную тонкую шею. А он смотрел на нее одним глазом и периодически кивал головой, как бы принимая слова сочувствия.

Я бережно сгреб Журку под мышку и отправился в лечебницу, оставив женщину и журавля утешать друг друга. Казалось, что они одинаково переживали утрату. А для меня, честно говоря, это был пока просто журавль. Пока...

В лечебнице я произвел полное патанатомическое вскрытие птицы. Независимо от причин гибели наших подопечных – это необходимая процедура. Вскрытие же показало, что все органы и ткани у журавля были без видимых патологических изменений. А это значит, что условия содержания и кормления вполне соответствуют физиологической потребности данного вида. Что, конечно, радовало.

Осмотр раны показал, что, скорее всего, какой-то довольно маленький хищник мастерски вскрыл сонную артерию птицы и что данное нарушение целостности физического тела никак несовместимо с дальнейшей жизнью из-за быстрой и обильной потери крови. Что, конечно, совсем не радовало.

Оставив журавлиху на патанатомическом столике, я пошел заполнять протокол вскрытия и журнал утреннего обхода.

Было раннее утро, и официальный рабочий день еще не начался.

Странный стук в дверь раздался как раз тогда, когда я заканчивал с протоколом вскрытия.

Примерно минут через десять такой же странный, но, как мне показалось, еще более настойчивый стук в дверь повторился. Закрыв и отодвинув журнал в сторону, я нарочито громко сказал:

– Войдите! Дверь открыта!

И опять никто не отозвался и не вошел.

И хотя мне уже стало интересно – кто бы это мог быть, да еще в столь ранний час, все же я остался сидеть за столом, продолжая задумчиво мотать на палец длинную прядь давно не стриженных волос.

Должен сказать, гибель животных в зоопарке – явление хоть и чрезвычайное, но довольно обыденное, как бы это странно ни звучало. Но с другой стороны – совсем неправду говорят, что ко всему привыкаешь. Почти каждый работник каждую смерть в зоопарке воспринимает как личное поражение. К гибели животных, которых каждый день видишь и с которыми связано очень много как веселых, так и грустных воспоминаний, привыкнуть нельзя. И хотя внешне, это, может, и незаметно, но с каждой ушедшей зверушкой уходит и частица тебя самого. Можно выработать к этому определенное отношение, как к неизбежному. Скажем, как к смене времени года.

Когда долго работаешь с животными, к ним не только привыкаешь. К некоторым просто незаметно прикипаешь. Начинается что-то вроде дружбы, а может, и любви. И вовсе не потому, что все они уж прямо хорошие. Среди моих любимцев оказались отъявленнейший негодяй гиббон Рома и престарелый капуцин Сафрон. Но про них как-нибудь потом. От таких питомчиков гораздо чаще бывает масса неприятностей, чем радости. И вдруг в какой-то момент начинаешь понимать, что их любишь больше, чем тихих, ласковых и доброжелательных.

В дверь, однако, опять настойчиво постучали. На этот раз я все же решил посмотреть, кто там такой нерешительный и настойчивый одновременно. Подойдя к двери и слегка ее толкнув, с некоторым недовольством в голосе я еще раз предложил незнакомцу ВОЙТИ:

– Да входите же, наконец, дверь открыта!

Дверь медленно открылась, и кабинет наполнился теплым азиатским солнцем, почти сразу проглотившим утреннюю прохладу поздней осени.

А на пороге... На пороге стоял Жур!

Я озадаченно его спросил:

– Это ты, что ли, своим клювом тут в дверь долбишь? – и несколько растерянно добавил: – Ну заходи, раз пришел! – Я кивнул головой внутрь помещения.

Какое-то время журавль стоял, склонив голову набок, пытливо заглядывая внутрь помещения. Потом сделал несколько неуверенных шагов и оказался в кабинете.

Пытаясь сообразить, как журавль умудрился добраться до лечебницы, и совершенно ничего не понимая, я открыл вторую дверь, ведущую в лабораторию. Журавль продолжал медленно и аккуратно вышагивать за мной, внимательно при этом осматривая все по сторонам. Окончательно озадаченный и сбитый с толку, я открыл и третью дверь, ведущую в изолятор и патанатомку.

Вообще-то, журавли не то чтобы уж очень пугливые птицы, но весьма осторожные, и, как правило, когда они на воле, вам вряд ли удастся подойти к ним ближе, чем, скажем, на сотню-другую метров. Но многие животные и птицы, попавшие в зоопарк, довольно быстро привыкают к людям и особенно к обслуживающему персоналу. Но чтобы настолько?!

В третье помещение журавль вошел уже без приглашения. Очень смешно поднимая ноги как можно повыше, он с опаской поглядывал вокруг, будто имел в виду «Как бы у вас тут во что-то не вляпаться!» И вместе с тем его движения были уверенными, будто он знал, куда идет, и не раз уже там бывал. Так, аккуратно переступая и вращая головой на 360 градусов, он подошел к столу, на котором лежала Журка. А точнее, то, что от нее осталось. Подойдя близко к столу и увидев журавлиху, Жур, нервно переступая с ноги на ногу, вопросительно посмотрел на меня. Затем он несколько раз как-то странно кивнул головой, будто пытался поднырнуть под стол, и нежно ей курлыкнул – как будто кто-то тихо хотел о чем-то попросить очень близкого и любимого человека: «Ну-у-у?!»

Журка молчала...

Так повторилось несколько раз.

Потом он замер и, похоже, успокоился, но уходить никуда не собирался.

Недолго думая, я сгреб журавля в охапку и отнес на озеро, с которого он умудрился до нас добраться. Сам же вернулся в лечебницу и занялся какими-то текущими делами. Но не прошло и десяти минут, как в дверь опять постучали. По стуку я понял, что это Жур. Пришлось открыть. Жур, как ни в чем не бывало, опять стоял на пороге и просился внутрь. Пришлось пустить.

На этот раз он настойчиво попросился туда, где видел свою подругу. Подойдя к ней, он остановился и замер на месте.

Опять насильно тащить журавля на дальний водоем, где произошла эта маленькая трагедия, мне больше никак не хотелось, и я решил пока оставить журавля охранять свою бездыханную подругу. Тем более что уходить он никуда не собирался.

Приближалось время пятиминутки. На пятиминутке должны были присутствовать все старшие специалисты, чтобы доложить о дне прошедшем и обсудить «стратегию» действий на день грядущий. Проходила она обычно в кабинете у директора. Вот именно туда я и отправился. А по ходу все пытался сообразить, как это журавль умудрился добраться до лечебницы?! Ведь не собака же, в конце-то концов.

Тут, оставив на какое-то время журавля, по ходу дела следует заметить, что птицы в зоопарках, как правило, не летают. И вовсе не потому, что им этого не хочется – просто так надо. Те, что в клетках – не летают, потому что им некуда летать, а те, что в вольерах, не летают, потому что им не на чем летать. У них ампутирован кончик одного крыла. Даже, я бы сказал, не то чтобы кончик, а часть крыла по локтевой сустав. Почти две трети. По

крайней мере, так было в нашем зоопарке, о других ничего не могу сказать. Но птица, подготовленная к содержанию в зоопарке таким варварским методом, представляет собой очень жалкое зрелище, особенно если делает попытку взлететь. Подпрыгнуть ей, конечно, удастся, но, как только она начинает помогать себе крыльями, сразу кувыркается и падает. Особенно неприятно и больно это наблюдать у лебедей. Лебеди держатся все время парами. И когда пара лебедей на крейсерской скорости рассекает озеро – это удивительнейшее по красоте зрелище. Разворот головы, изящнейший изгиб шеи, грациозно закрученные на огулке перья, мощные, импульсивные движения всего тела, обгоняющего волну, оставшуюся клинышком разбегаться в фарватере, и конечно же синхрон. Обычно «сам» на две-три четверти впереди подруги, а «сама» сзади – миллиметр в миллиметр, секунда в секунду повторяет все его движения. Где-нибудь посередине озера они делают резкую остановку и выходят «в свечу», чтобы размять крылья... А вот дальше – печальное зрелище. Пытаясь взлететь, лебедь неловко кувыркается и падает в воду. Полтора крыла никакого лебеда не украсят.

Иногда кто-то из посетителей над этим незлобно смеется. А мне грустно.

Собственно, взлетать большинство птиц с ампутированными крыльями больше и не пытаются и довольствуются пешими либо водными прогулками. Разве что еще остается просто помахать крыльями, как веером, чтоб размяться или воду стряхнуть.

Вид кувыркающихся птиц с самого начала работы в зоопарке мне совсем не понравился. И когда пришло время самому проводить процедуру купирования части крыла, я был крайне озадачен, ибо все мое существо этому – воспротивилось. Первыми моими пациентами на ампутацию стали утки-королинки. А первыми учителями на практике – ветврач Владимир Георгиевич (в дальнейшем просто Георгич) и ветфельдшер Георгий Васильевич (в дальнейшем просто Василич). И хотя между нами впоследствии и бывали какие-то разногласия по вопросам лечения и содержания животных, тем не менее я им на всю жизнь остался очень благодарен и признателен за тот первый опыт практической ветеринарии, который получил от них в зоопарке.

Так вот, тот самый Василич, желая показать первый класс ветеринарного мастерства, очень быстро и бесцеремонно оттяпал первой же из уток кусок крыла по самый локтевой сустав, и так быстро, что утка даже не успела щелкнуть клювом, а я не успел опомниться. Так же быстро были наложены швы и обработана рана.

– Василич! Как можно? Зачем так много ампутировать? – наконец я смог выговорить что-то членораздельное.

– Можно и нужно! Чтоб не улетели!

За сим утка, брошенная на воду рукой Василича, пару раз кувыркнувшись в воздухе, оказалась на поверхности озера и, сделав несколько неудачных попыток взлететь, скрылась в прибрежных кустах. Дело сделано.

План в моей голове созрел мгновенно.

– Георгий Васильевич, следующую утку позвольте уж сделаю я!

Под недоверчивым взглядом фельдшера я аккуратно удалил утке третий пальчик сначала на одном крыле, потом на другом. Экстерьер утки при этом никак не пострадал.

Скептически покачивая головой, Василич недовольно повторил:

– Юрич! (У русскоязычной половины зоопарка я значился как Юрич.) Она же улетит! Как пить дать – улетит!

– Вот это мы сейчас и проверим! – С легким замиранием сердца я бросил утку в сторону водоема. Платить за утку, если она вдруг действительно улетит, мне, конечно, никак не хотелось. Но одной уткой можно было рискнуть, несмотря даже на то, что цена ее составляла ровно половину моей месячной зарплаты.

Утка полетела.

– ?!

Но как-то неуклюже и совсем не далеко. Точнее сказать, она собиралась полететь, но это у нее получилось довольно неловко. Так и не поняв, что же произошло с крыльями, утка, хлопая лапками по воде, пробежалась до середины озера и, помогая себе крыльями, попыталась взлететь еще раз. У нее это получилось. Но без рулевых перьев ни набрать высоты, ни совершить маневр не удалось. Она резко притормозила и, чуть было не воткнувшись в кусты на противоположном берегу, совершила аварийную посадку. Какое-то время мы продолжали наблюдать за уткой. Она еще несколько раз попыталась разогнаться вдоль озера. Но больше взлететь ей не удалось. Скоро утке это, похоже, надоело совсем, и она успокоилась.

Я решил продолжить эксперимент. Остальным уткам мы сделали точно такую же операцию.

– Юрич! Рано или поздно все равно улетят, – продолжал волноваться Василич, когда мы уже возвращались в лечебницу.

– Василич! Мы уткам ампутировали рулевые перья. Что это значит? А это значит, что взлетать они в принципе могут, а рулить нет. Стало быть, не улетят. Внешний вид уток при этом совсем не пострадал! Мы же должны их предоставить посетителям в полной красе! Ну и в случае чего – отвечать-то все равно буду я!

– Юрич! Но нам-то с Георгием тоже шею намылят за твои эксперименты!

– Василич! А разве мы собираемся об этом кому-то докладывать? А если улетят – тогда уже будет совсем другая история!

– Сергей Юрьевич, конечно, об этом уж лучше пока помолчать, но ты это...

Василич на этом месте взял паузу и довольно долго ее подержал в надежде, что я о чем-то могу смекнуть и прийти к нему навстречу. Я уже примерно догадывался, о чем пойдет речь, но навстречу не торопился.

– Ну... – тут Василич добавил в голосе серьезности, – это надо, короче, обмыть бы твой эксперимент – ну... чтоб не улетели – сам понимаешь!

В этом месте я понял, что слегка приперт к стенке и сопротивление не то чтобы бесполезно, но просто не имеет смысла.

– Так мы сейчас на дезинфекцию-то и добавим расходных материалов!

К этому времени я уже исполнял обязанности старшего ветврача, и, следовательно, вся аптека была под моим контролем, в том числе, естественно, и спирт. Не скажу, чтоб мы его часто использовали не по прямому назначению, но бывало.

Так, «обмыв уток» и став тайными сообщниками, мы на том и разошлись.

И хотя мне потом пару раз таки снились кошмары, как в сезон все утки улетают в дальнюю, загадочную Лапландию за своими перелетными собратьями, тем не менее, в конце концов, результат оказался довольно неожиданным. Предвидеть все последствия, конечно, было невозможно, хотя о многом можно было бы догадаться и заранее. В общем, получилось следующее.

Сначала мед.

Во-первых, все водоплавающие птицы получили возможность немножко и очень невысоко пролететь над водоемом. Но только после предварительного, хорошего разбега, что само по себе уже достаточно зрелищно. Во-вторых, птицы теперь могли гордо демонстрировать всю свою красоту, собственно, ради чего они и оказались в этом месте. Но главное! Это касалось особенно длинноногих – аистов и журавлей (не говоря уже о всяких там мелких выпях, колпицах и цаплях): они получили возможность проводить нормальное спаривание, так как этот процесс у них происходит чуть ли не в полете. Во время этого радостного события они очень активно помогают себе крыльями удерживать равновесие!

Теперь деготь.

Некоторые утки получили возможность перебираться с одного озера на другое, а иногда, к восторгу посетителей и громадному недовольству главной птичницы, привольно раз-

гуливать по аллеям зоопарка. Мало того, некоторые водоплавающие – особенно утки-огари – теперь предпочли устраивать гнезда не на водоемах, а где-нибудь в кустах неподалеку, например в яблоневом саду. И уже через год, весной, рано поутру, можно было частенько наблюдать огаринные семейства, разгуливающие по аллеям зоопарка. Но не все. Огарей вскоре развелось столько, что мы даже не всем им успевали купировать крылья, в результате чего они периодически улетали довольно надолго и в неизвестном направлении. Но птенцов выводить прилетали непременно обратно в зоопарк.

А однажды – это уже через пару лет после такой ампутации – двух черных лебедей обнаружили в соседнем парке на Комсомольском озере.

О нововведении, конечно, кому надо, догадались еще задолго до этого. И теперь главная птичница Галина Николаевна по этому поводу поязвила сполна:

– Ну что, доктор! Думаешь, умнее других? Надо было выполнять инструкции, присланные московским зоопарком, там, наверное, люди не глупее тебя сидят. Вот заплатишь мне за двух лебедей и экспериментировать сразу перестанешь! Нас, опытных работников, которые по 20 лет в хозяйствах отработали, учить будешь. Тебя надо в колхоз на пару лет отправить, чтобы там как следует поработал и опыта набрался. Студент!

За лебедей мне платить никак не хотелось. Но угроза нависла реальная.

Но вопрос вдруг решился неожиданно просто и быстро. Пока директор придумывал наказание для «молодого специалиста», а сам специалист ломал голову, как изловить лебедей, они спокойно вернулись к вечерней кормежке и больше со своего озера почти не отлучались. Дело в том, что вся территория местообитания любых живых существ поделена на сферы влияния. Каждое из них, вплоть до насекомых, имеет свою территорию, очень ее любит, постоянно контролирует, непременно метит и конечно же охраняет. И при том, как это ни странно прозвучит, уважает чужую собственность и старается не нарушать границы. По крайней мере, чтобы не получить тумачков невзначай. Так и наши лебеди, наверное, решили, что в гостях хорошо, а дома лучше.

С наказанием решили повременить – птицы-то на месте. Пронесло.

В общем, по этому поводу хочу только заметить, если у меня в этом деле появятся последователи, – будьте готовы видеть своих птиц во всей красе, но иногда – и на соседних водоемах.

Так вот, как раз нашим-то журавлям я и делал короткое купирование. Так что в принципе перелезть через забор, помогая себе почти целыми крыльями, Жур, конечно, смог бы. Но как он нашел лечебницу, а тем более, что его навело на мысль стучать клювом в дверь – для меня навсегда осталось загадкой.

Однако я иду на пятиминутку.

Не пойму, почему утренние летучки называют пятиминутками? Все равно они у всех длятся не меньше часа. Лучше бы их так сразу и назвали – «часотками». Да и по смыслу больше подходит.

Так и в этот раз – примерно за час все новости были «перечесаны», работы намечены, стратегия определена и т. д. В том числе было принято решение о переводе журавля на остров центрального озера, откуда выбраться можно только вплавь, а журавли, как известно, пловцы никудышные.

В лечебнице почти на пороге меня встретила наша санитарка Вера Васильевна – полная, добродушная женщина средних лет, довольно меланхоличная, но страшная матерщинница (правда, материлась она всегда по-доброму и совсем не сердито). Вытаращив на меня глаза, что она всегда делала для пушей убедительности, Вера Васильевна сказала, как выстрелила:

– Юрич! Это что у тебя там за пассажир? Он мне не дает убрать со стола и щелкает клювом! Ты что, его к себе в заместители привел? Мне и вас – четверых начальников – хватит

(на самом деле у нас был еще один доктор – Клим Галиевич, но настолько тихий и спокойный и к тому же так редко появлялся на работе, что я вообще не уверен, что нам придется здесь с ним еще встретиться).

Конечно, дословно нашу санитарку «тетя-Веру» (как ее все звали) я цитировать просто не берусь. Повторить слово в слово это невозможно, ну а главное там конечно же не слова, а интонация и междометия.

Я рассказал Вере Васильевне всю историю журавля, и она сразу прониклась к Журе сочувствием.

Журавль между тем стоял на прежнем месте и не проявлял особого интереса к окружающему.

– Журчик! Однако нам велено жить дальше! – Я попытался привлечь его внимание, но он на мои слова никак не отозвался.

Тогда, недолго думая, завернув журавлиху в холщовый мешок и прихватив лопату, я направился к выходу.

Вообще, павших животных положено утилизировать по всем ветеринарным правилам, в яме Беккари (это такой длинный, глубокий, бетонный колодец), но в данной ситуации я решил действовать в обход правил, так как у меня насчет журавля созрел план.

Журавль, внимательно проследив за всеми моими действиями, развернулся и, торжественно вышагивая и высоко поднимая ноги, без дополнительного приглашения последовал за мной. Тетя Вера, удивленно уступая нам дорогу, стрельнула вдогонку журавлю:

– На парад собрался? Генерал с клювом! Смотри, как «вышагиват»! Демонстрация пернатая!

Походка журавля действительно немного напоминала походку офицера с достойной выправкой.

Мы с Журом уже вышли за порог лечебницы, но тетя Вера не унималась:

– Транспарантов вам не надо? А то я вона свою «трапку» и отдам, а мне у Наюба нову закажешь – энта вона ужо совсем драна! (Ахунов Наюб Наюбович был нашим завскладом. Про него можно только заметить, что его имя и фамилия удивительным образом соответствовали той должности, которую он занимал.)

Озадаченные посетители, улыбаясь, наблюдали очень странную картину по аллеям зоопарка идет молодой человек в белом халате, а за ним по пятам торжественно вышагивает журавль.

Я вошел в вольер центрального озера. Жур следовал за мной неотступно. Подойдя к небольшой лодочке, что стояла на берегу, я спустил ее на воду и забрался на ее нос. Немного поколебавшись, он за мной залез в лодку. После первого гребка журавль, стоявший на своих длинных ногах, чуть было не кувыркнулся на воду и сразу присел, как раз на заднее сиденье. Несколько гребков – и лодка причалила к острову. Наше центральное озеро совсем маленькое, но очень уютное и с островком посередине, что придавало ему некоторую загадочность.

Я выбрался на остров и отправился искать укромное место, чтобы похоронить журавлиху. Журавль, неуклюже проскакав по дну раскачивающейся лодки, тоже выбрался на берег и, не отступая от меня ни на шаг, всюду следовал за мной.

Так, с ним, мы очень быстро нашли подходящее место.

Когда все было сделано, показав журавлю на холмик, я сказал:

– Вот здесь твоя подруга теперь будет всегда, стало быть, и тебе больше никуда не надо бегать. И это озеро, и этот остров – теперь твой дом.

Расчет на самом деле был простой. Перелететь с острова на берег журавль не сможет. Никто из длинноногих птиц после короткой ампутации летать даже особо и не пытался. А пешком водную преграду ему не преодолеть, так как озеро достаточно глубокое, а плавать он хоть и умеет, но неуклюже, не получая удовольствия от этого занятия.

Однако, пока я осторожно забирался в лодку, Жур проворно запрыгнул на свое место и сел, как ни в чем не бывало, будто мы такие прогулки совершаем каждый день. Честно говоря, я предполагал, что он там и останется. Но не тут-то было. Думая, каким калачом его выманить обратно на остров, я сделал на лодке по озеру несколько кругов. Увидев аистов, мочивших пятки в озерной грязи – на берегу, я подумал, что на острове, в одиночестве, журавлю, может, будет и скучновато, и причалил возле его длинноногих хоть и дальних, но все же родственников.

– Журчик, смотри – они на тебя немножко похожи, может, ты с ними поживешь?

Я всегда на полном серьезе и очень искренне разговаривал с животными. Мало того, очень часто убеждался, что они понимают. Нет, я вас, конечно, не буду грузить никакой мистикой – то у меня с журавлем по-таджикски, то по-русски можно поговорить. Вовсе нет. Но я твердо уверен (и это подтверждает опыт), когда начинаешь разговаривать с животными, особенно в экстренных ситуациях, они очень быстро в ситуацию въезжают, и возникает некий диалог, который влечет за собой либо взаимопонимание, либо противостояние, в зависимости от того, каким образом предлагаются варианты развития событий с обеих сторон. Но вначале – слово.

Первый раз со мной это случилось, когда я еще ходил в детский садик. Шли мы как-то с бабушкой и старшим братом из детского сада домой. Возле троллейбусной остановки надо было переходить улицу. Мы ее всегда там переходили. В то время транспорта было не так много, как теперь, и в основном это были троллейбусы и автобусы да парочка фургонов, которые возили хлеб, молоко и всякие другие продукты. Были еще, конечно, грузовики и самосвалы, но те появлялись и вовсе редко. Поэтому дорогу в те времена можно было переходить, почти не глядя.

Бабушка, ухватив меня покрепче левой рукой, а брата – правой и, видать, о чем-то замечтавшись, шагнула на дорогу...

И тут вдруг – лошадь! И не просто лошадь. А громадная ЛОШАДЬ, да еще с телегой! И бежала эта самая лошадь прямо на нас. Я все же успел разглядеть, как она выглядит: очень красивая и длинная рыжая с золотой проседью грива и огромные лохматые копыта размером точно с мою голову. Мне почему-то показалось, что именно этим копытом я сейчас получу прямо по башке. И еще я успел, покрепче уцепившись за бабушку второй рукой, посмотреть лошади прямо в глаза. Наши взгляды встретились, и я понял, что лошадь меня тоже видит. Тут я и сказал:

– Здравствуй, лошадь!

Я ее совсем не испугался. Нет, то есть, конечно, сначала было испугался и, может, даже очень сильно. Но как только увидел ее добрые глаза – страха уже как не бывало. И бабушку я прихватил совсем не из страха, а для уверенности. До лошади оставалось метров пять-семь, но мы-то уже затормозили!

И вдруг лошадь мне ответила:

– Здравствуй, мальчик!

В ту самую секунду как мы с лошастью поздоровались, она тоже немножко затормозила, и мы сразу друг друга полюбили, и очень многое стало ясно! Я понял, что лошадь нам ничем не угрожает и ее совсем не надо бояться. Что она вовсе не страшная, а – красивая. А лошадь поняла, что мы ей уступаем дорогу. И была очень благодарна, потому что тормозить с такой громадной телегой ей было бы совсем тяжело и неудобно.

Но главное! Лошадь поняла, что я ее понял! И я тоже понял, что она меня понимает! И все это очень просто, и нет в этом ничего необычного.

Встряхнув золотистой гривой и благодарно покачивая головой, она процокала своими громадными копытищами мимо. А бабушка, крепко схватив нас за руки, замерла и, похоже,

испугалась по-настоящему, но, чтобы не показать виду, как ни в чем не бывало, спросила меня:

– Сережа! Ты что, знаешь эту лошадь?

– Да, – скромно ответил я.

До сих пор очень хорошо помню этого громадного цыганского тяжеловоза, который научил меня говорить с животными и которого я, кажется, действительно знал всегда.

Мы продолжали сидеть в лодке, и я упорно объяснял журавлю, что аисты – его дальние родственники и что ему с ними будет совсем неплохо. А Жур продолжал сидеть напротив меня, какой-то совсем невнимательный, и стоящие неподалеку аисты его, похоже, совсем не интересовали.

Тем временем неподалеку от нас собралась довольно большая группа особо любопытных зрителей, которым, наверно, было очень интересно узнать, с какой стати журавли катаются в лодках. Было слышно, как одна из посетительниц, показывая в нашу сторону, объясняла своей дочурке:

– Этот дядя – доктор Айболит. А журавушка болеет. Доктор уговаривает его скушать лекарства, а журавушка не хочет. А чтоб журавушка согласился – доктор покатал его на лодке...

Выручила меня апа Нюра, которая появилась на берегу с ведром рыбы, нарубленной как раз для аистов:

– Дьжур! Катайса не. Кушат ходи!

Жур, услышав знакомый голос, выпрыгнул из лодки и, пританцовывая, побежал к Нюре. Она ему говорила что-то очень ласковое и кидала рыбу, которую он на лету ловил своим длинным клювом и, несколько раз подбросив, ловко затряхивал внутрь, непременно головой вперед. Я тем временем попытался объяснить Нюре, что если журавль пойдет опять гулять по зоопарку, то его надо будет уговорить вернуться на это озеро.

И бочком-бочком юркнул вон из вольера, оставив Нюру разбираться с журавлем. Нюра высыпала из ведра остатки рыбы аистам и, бросив журавлю по-русски: <Ай, сиди здес!> – развернулась и пошла из вольера, раскачивая длинной бахромой платка, повязанного вокруг головы.

Высота забора на центральном озере почти в два раза меньше, чем на дальнем, но журавль из вольера больше никуда не уходил.

Среди своих собратьев он вскоре стал равноправным членом стаи. Аисты сразу его приняли. Еще бы – он ведь совсем не был гадким утенком, а напротив – высокий, стройный, грациозный журавль-красавка!

Конечно, было видно, как первое время он крепко скучал: стоял часами, понурился голову, а иногда вдруг начинал беспокойно ходить по берегу, как бы пытаясь что-то разглядеть на острове, на котором осталась его подруга. Однако сам туда добраться так и не отважился. Для взлета ему не хватало места для разбега, а в плаву ему явно не хотелось. Утонуть он бы не утонул, но журавли пловцы никудышные. Они предпочитают купаться ровно до колена – наверное, чтоб перышки не замочить.

Однажды я не удержался и пригласил его прокатиться на лодке до острова. Но как я его ни уговаривал – Жур вежливо отказывался.

Когда мимо озера проходила его любимая апа Нюра, он ее приветствовал, радостно пританцовывая и хлопая крыльями. В обед она приносила аистам ведро рыбы и на ходу бросала своему любимцу самую красивую рыбешку. Журка ловко затряхивал ее в пищевод. Потом, пританцовывая, бегал вокруг Нюры, пока ведро не опустеет. И после этого иногда провожал ее до забора.

А как только похолодало, Жур переехал с аистами в зимнее помещение. И там, в довольно тесном помещении, жил с ними в полном согласии. Одним словом – прижился. Однако история на этом не заканчивается.

Охота на вампира

После журавля-красавки жертвами ночного хищника стали еще три утки. Хищник появлялся ночью, примерно один раз в неделю. На этот раз он поохотился на другом, как мы его называли, – длинном озере, которое располагалось между аквариумом и террариумом. Ночные сторожа оказались бессильны что-либо предпринять; по их словам, зверек появлялся незаметно и ниоткуда, охотился быстро и тихо и так же незаметно исчезал. Кое-кто даже решил, что зверек живет в самом зоопарке и только ночью выходит поохотиться.

По этому поводу мы проверили все вольеры, в которых содержались мелкие хищники и грызуны. Все оказались на своих местах, сыты и, если иногда и пытались поковыряться в полу лелея надежду выбраться на свободу очень быстро оставляли эту затею, потому как пол во всех вольерах был цементный.

Вопрос с ночным хищником становился серьезным – налеты на зоопарк вошли у него в привычку. Оставалось одно – кому-то из специалистов выйти на ночное дежурство.

На случай несанкционированного выхода животных за пределы ограждений в каждом зоопарке имеется специальная бригада по задержанию беглецов. В бригаде есть и средства задержания – трезубцы, сети, повалы (повал – длинная, плоская, очень прочная брезентовая тесьма) и, наконец, винтовка, оснащенная летающими шприцами с обездвиживающими препаратами. Но такие винтовки имелись далеко не во всех зоопарках. У нас была самая обычная винтовка. А вместо летающих шприцов – ружейные патроны, которые в те времена еще было и не купить, и набивать их приходилось самому. Конечно, ружье разрешалось применять только в самых экстренных ситуациях, когда других возможностей водворить беглеца на постоянное место не находилось. Если на карту поставлены жизнь человека и жизнь животного, выбирать не приходится.

Все средства задержания находятся на ответственном хранении у старшего ветврача. Стало быть, мне и карты в руки. Конечно, в данной ситуации вопрос о задержании ночного разбойника и не стоял. Зверька надо было срочно обезвредить любым способом. Говоря казенным языком, – произвести его отстрел. Я особенно не возражал – меня уже обуревало любопытство: что это за зверь такой, которого никто не видит и не слышит?

Так что, съездив домой за своей ижевской двустволкой 12-го калибра (любой охотник больше доверяет своему ружью, нежели казенному), вечером того же дня я отправился на охоту – в родной зоопарк.

Ночь выдалась удивительно тихая, лунная и спокойная.

Я сидел в предбаннике старого аквариума (у нас был еще и новый) и поглядывал через окошко на озеро, на поверхности которого плясал перезревший месяц. Старое маленькое строение, в котором находился аквариум, совсем не проветривалось, и там всегда стояла жуткая духота и высокая влажность, поэтому название «предбанник» очень подходило. Когда поверхность озера становилась идеально гладкой, месяц, зацепившись лунной дорожкой за берег, прекращал свою пляску и затихал. Но потом проплывала утка, оставляя за собой полосу волн, которые опять начинали полоскать месяц.

Во всем этом был такой покой, что я совсем забыл, где и почему нахожусь. Подперев подбородок казенным срезом двустволки, я был близок к тому, чтобы подремать.

Шум в зале...

И это правильно! Упираясь подбородком даже в свое ружье категорически не следует: иногда стреляют и незаряженные ружья. За мою охотничью практику оно, действительно, два раза выстрелило само (правда, оба раза винтовка была заряжена), но об этом как-нибудь в другой раз.

Глядя на пляшущий на воде месяц, я вспомнил, как первый раз увидел большую луну.

Жили мы с братом у бабушки в Севастополе, и в школу я еще не ходил. По вечерам мы всегда ходили купаться. В один из удивительно тихих и теплых вечеров мы так долго не выходили из воды, что не заметили, как начало темнеть. А когда стемнело, оказалось, что в темноте купаться еще интереснее – вода в море стала как парное молоко, и вылезать нам не хотелось. И когда мы собрались домой, уже стояла глубокая ночь. Редкие двуногие фонари с тусклыми лампочками и жестяными плафонами в виде столовой тарелки были только в самом городе. А на окраине их не сочли нужным установить. Так что мы брели в кромешной тьме.

И вдруг за горой мы увидели какой-то загадочный, красноватый и довольно яркий свет. Обычно на этой горке мы смотрели салют. Но на этот раз это был совсем не салют, а что-то необычное. Даже бабушка, которая знала все, очень удивилась – что бы это могло быть?

Дорога в этом месте делала поворот, и странное сияние на какое-то время исчезло из поля зрения. Озадаченные, мы прибавили ходу, чтобы не сказать, побежали почти вприпрыжку – вдруг опоздаем?

Выскочив из-за поворота, мы все увидели. Это была громадная луна, половина которой еще скрывалась за горой. Мы долго наблюдали, как она медленно поднимается из-за горизонта. Казалось, что она катится прямо по крышам невысоких одноэтажных домиков и того и гляди какой-нибудь из них сшибет. Когда она полностью показалась из-за горизонта, то напомнила мне громадный желто-розовый блин. Ноздреватый, поджаристый и румяный, точно такой, какие пекла бабушка. Луну сплошь покрывали разного размера круги – большие, с неровными краями и маленькие, с разлетающимися во все стороны лучами, как будто кто накапал на пол кефир.

– Бабуля! Она похожа на твои блины! Наверно, ее только что испекли! – радостно заметил я.

Сравнение очень развеселило и брата и бабушку.

– Серый, кто луну жарить-то будет? – заметил брат.

Почему-то всем нам стало очень весело, и мы еще долго хохотали, стоя посреди пустынной улицы, и никак не могли справиться со своей нечаянной радостью.

– Я такой луны еще никогда не видела, – сказала зачарованная бабушка, когда мы окончательно успокоились.

– И я больше никогда такой луны не видел, – повторил я вслед за бабушкой и... чуть не упал с табуретки.

Как-то незаметно я таки провалился в непродолжительный, но очень сладкий и крепкий сон-воспоминание, и если бы не бабушка, то спал бы и дальше.

Несмотря на то, что меня не было в реальном времени всего несколько минут, я успел хорошо выспаться и бросил взгляд на часы – на все про все ушло пятнадцать минут. Но голова стала удивительно легкая, будто спал всю ночь.

Осторожно приоткрыв дверь предбанника, я высунул нос на свежий ночной воздух. Глубоко вдохнул, а затем выпустил изо рта длинную и весьма кудрявую струю пара, которая никуда не улетела, а повисла в воздухе и, оставаясь на том же месте, начала медленно таять. Однако мороз!

Я решил обойти озера. Было еще рано, и все звери спали либо дремали. Месяц уже искал, где бы ему упасть за горизонт, но для ночи было довольно светло. Все вокруг дышало миром и покоем. Даже как-то подозрительно тихо. Поверхность воды на дальнем озере была зеркально-гладкой и отражала редкие яркие звезды. Я перемахнул через забор и подошел к воде. Не веря своим глазам, постучал пальцем по поверхности. Лед! Два часа назад его не было, по крайней мере озеро тогда не казалось таким блестящим. Лед был очень тонкий и удивительно гладкий. От ударов по нему побежала звонкая волна и эхо. Пробежав по всему озеру, эхо возвращалось в ту точку, в которой родилось, и снова убегало.

Пока я так развлекался, на длинном озере вдруг тревожно закричали и взлетели утки. Небольшие стайки диких уток часто посещают зоопарковские пруды во время перелетов. А бывали и такие, что оставались перезимовать, благо голодать-то уж точно не придется.

Фыс-фыс-фыс-фыс-фыс – несколько уток, просвистев над моей головой крыльями и описав прицелочный полукруг над озером, зашли на посадку. Выставив вперед лапы, они обычно не просто плюхаются в воду, а заправски, как воднолыжники, какое-то время глиссируют на «пятках» и только потом, окончательно сбросив скорость, приводняются. Но тут все неожиданно пошло по-другому их лапы встретили твердую поверхность и они заскользили примерно так, как это делаем мы, когда первый раз на коньках попадаем на лед. Некоторые попытались тормозить хвостами, а другие перешли на бег гуськом. То и другое выходило очень смешно и неловко.

Потом все по очереди, с хрустом проломив тонкую корочку льда, они благополучно приводнились. При этом так оживленно кричали, что мне показалось – они хихикают и подтрунивают друг над другом. Даже, кажется, месяц улыбнулся в надежде, что сейчас опять по озеру пробежит рябь и он сможет еще немножко сплясать. Но волны спрятались под тонкой корочкой льда, а месяц так и застыл, растянувшись по зеркальной поверхности озера японской улыбкой.

Быстро перемахнув забор, я уже бежал туда, откуда прилетели утки.

Обитатели длинного озера вели себя весьма беспокойно, быстро плавая посередине. Длинное озеро – самое большое, поэтому и живности на нем побольше: много разных уток, магелланские гуси, белые лебеди и даже пеликаны (последние, правда, в это время уже сидели в зимнике). Это озеро совсем не замерзло, может, из-за размера, а может, из-за большого количества обитателей, только самый берег прихватила тонкая корочка льда.

Пробираясь по кустам, я не раз вспомнил своего саниеля Лота, который очень просился на охоту со мной. Мне не удалось накануне выскочить из дома незамеченным. Сначала он подглядел, как я взял ружье – большая оплошность с моей стороны, так как объяснить собаке, что я иду не на охоту, а на работу, было невозможно. Он сразу понял, что его хотят надуть, и устроил истерику. Пришлось демонстративно достать рюкзак со всеми охотничьими принадлежностями и перед носом собаки засунуть его обратно в шкаф, показывая, что он ошибся. Это его несколько успокоило.

Я обошел озеро по берегу, внимательно осмотрел все кусты. Ничего подозрительного не обнаружил. Вся живность на воде. На берегу никого. И вообще, почему я решил бежать сюда, может, вся драма сейчас происходит как раз на другом – круглом озере. Ужаленный этой мыслью, я помчался на круглое озеро.

Здесь льда тоже почти не было, а обитатели были гораздо спокойнее, многие мирно спали, уютно припрятав клювы под крылышко. Я несколько раз обошел вокруг. Вроде все в порядке. Но кто-то же уток спугнул?!

Оставалось повнимательнее обследовать кусты на длинном озере.

На этот раз я уже ползал по кустам чуть ли не на четвереньках.

Так и есть! Утка-шилохвостка. Оставалось только забрать трофей и тихо прошмыгнуть мимо сторожей в лечебницу.

Вот позорище-то! Ведь скажут – проспал! И что самое обидное – будут недалеко от истины.

Вскрытие показало: почерк тот же! Хищник опять перегрыз добыче горло. Шейные позвонки целые, и только аккуратно вскрыта сонная артерия. Крови на этот раз было побольше. Это значит, что хищник как следует позавтракать не успел. А еще это значит, что, когда я первый раз там бегал в потемках, он, поджав хвост, если у него таковой имеется, сидел где-то под кустом и спокойно за мной наблюдал. Из чего в конце концов следует, что

хищник уже меня знает. А я пока его нет. И это плохо. Но зато уже известно, что появляется он где-то с четырех до пяти утра. Значит, в другое время можно будет и расслабиться.

С пятиминутки я вышел помятый и ночного вампира начинал уже люто ненавидеть, не только как утино го душегуба, но и как личного врага и источник моего позора. Рядом шла птичница Галина Ивановна и щедро подливала масло в огонь:

– Ну что, Иванушка, когда теперь пойдешь в караул?

– Скоро, Галина Ивановна! Я кому-то сегодня не дал кровушки попить вдоволь, думаю, скоро опять объявится.

Три ночи я все же провел дома. А на четвертую, думаю, пора!

Однако и в ближайшие две ночи, к моему удивлению, ничего не произошло. Наверное, я переусердствовал в бдительности, нарезая круги между озерами, как раз с четырех до пяти утра, и этим самым спугнул ночного охотника. Стало даже очень обидно – а вдруг больше не объявится?

Между тем я уже начал привыкать к ночным дежурствам. Даже сторожа меня теперь регулярно приглашали на утренний и вечерний чай.

На третью ночь чувствую – должно непременно что-нибудь произойти. Просто пора!

На этот раз решил сидеть, как говорят, до упора. Еще с вечера все приготовил. Табуретку, теплое одеяло, ватный тулуп, термос с горячим чаем. Аккуратно вынул из рамы предбанника стекло: и видимость гораздо лучше, и стрелять можно будет, практически не вставая с места. Но теплушка теперь стала избянкой-ледянкой. В этот год холода пришли рановато. Теперь лед сковал все озера, и почти вся живность крутилась вокруг одной большой полыньи, что для меня оказалось весьма выгодно – все как на ладони. Пока этот хищник карака-тицей будет по льду гоняться за утками – тут-то я его и прищучу!

Правда, весь день над Гиссарской долиной висели темно-серые, тяжелые снеговые тучи, которые грозились просыпаться обильным снегопадом, но под вечер тучи куда-то спрятались. Так-то оно и лучше.

С этой приятной мыслью я растянулся в подсобке аквариума и мгновенно заснул. Правда, прежде чем провалился в сон, не забыл установить внутренний будильник. Еще со школьной скамьи он меня никогда не подводил, и что меня больше всего поражало – работал он с точностью до минут.

Ровно в 3-30 удивительный механизм выкинул меня из крепкого сна. Все как запланировано. Греясь зеленым чаем, я размышлял: что же это за тварь такая неуловимая? Какой-нибудь хорек до шеи журавля не допрыгнет, но к спящему подкрасться, конечно, сможет. Под словом «хорек» здесь следует подразумевать всех мелких хищников – куниц, горностаев, солонгоев и норок. Но все они сидят по местам. Других попросту не имеется. Конечно, могла заглянуть в зоопарк и выдра. Скажем, с речки, протекавшей буквально в 50-ти метрах от зоопарка. Но выдре нечем проделать такую ювелирную дырочку на шее утки. Уж если она прихватит, то всей «варежкой», и следы после такого укуса будут как после хорошего капкана. К тому же утки не входят в рацион выдры. Теоретически на такое способны и крысы, но для крыс в зоопарке стол накрыт почти в каждой клетке, ешь – не хочу. Остаются собаки, шакалы, лисы и песцы. Наши все в клетках. С улицы могут заглянуть и лисы, и собаки. Шакалы, пожалуй, так далеко в город не забредут, их собаки не пропустят. Остаются лисы с собаками. Собака не прошла бы незамеченной. Остается лиса. Ей и укрыться проще, скажем, на той же речке, и собак она знает, как обхитрить, а человека-то и подавно. Но лиса непременно бы откушала от жертвы и мяса. А тут просто кровосос какой-то.

Из-под двери потянуло уж очень зимней свежестью. Я вышел в предбанник. Через окошко, из которого я с вечера вытащил стекло, влетали крупные снежинки. Я не удержался и выскочил на улицу. А там... в фантастической тишине по-настоящему валил снег!

Большушие, тяжелые снежинки опускались на землю, на глазах превращая позднюю осень в первый день зимы.

Закатив в стволы две дробовые «троечки» и нырнув в тулуп, я пошел на «охоту».

Снег ложился на землю, слегка прихваченную морозом, который, впрочем, под утро немножко отпустил. Решетки клеток, сетки вольеров и ветви деревьев были покрыты инеем. Иней, как магнит, притягивал к себе снежинки, и всё на глазах превращалось в сплошные белые стены и ажурные заросли. Но снег был такой пушистый, что, когда нога ступала на сухой подмороженный асфальт, он разлетался в разные стороны, оставляя большие круглые следы, будто по аллее прошелся слон. Было очень «вкусно» идти по чистейшему снежному покрывалу, по которому еще никто не ступал.

Животные притихли и затаились. Даже Багира – черная пантера. Обычно она очень любит подкараулить первого посетителя и устроить на него охоту. Заслышав приближающиеся шаги, она прячется за своим деревянным домиком и, низко прижавшись к полу нервно переминается с лапы на лапу. И как только жертва показывается в поле зрения, делает молниеносный бросок к металлической перегородке, и сразу – для погашения скорости – ей приходится пробежать еще пару кругов по стенкам вольера. Делает она это мастерски и почти на уровне потолка. Посетитель в ужасе шарается в сторону. Багира довольна – охота состоялась!

Меня таким образом она тоже несколько раз заставляла врасплох. До сих пор подозреваю: кого ей не удалось испугать, тот считался непойманным. И тогда Багира раздраженно дергала хвостом.

Иной раз по утрам я играл с ней в кошки-мышки. Если ее удавалось застукать, когда она уже была готова к броску, Багира лениво переворачивалась на спину «А я что? Ничего, просто вот тут лежала...» А если ее удавалось застать не подготовленной к броску, пантера недовольно закручивала рульку на конце хвоста и задирала его кверху, при этом, с досадой рыкнув, демонстративно отворачивалась – не больно-то и хотелось!

– Спишь? – бросил я ей, проходя мимо.

Но она в ответ даже не мяукнула. Видать, в домике пригrelась и шевелиться ей не хочется.

Вот и дальше маленькое озеро, с которого началась наша история; я остановился. Снег уже успел укрыть все озеро. Даже дикие утки перебрались на другие озера, где незамерзающие полыньи поддерживали обитатели озер.

С грустью я вспомнил журавлиху. Без нее озеро стало совсем заброшенным и пустым. Под снегом оно и вовсе напоминало одинокий хутор с забитыми ставнями.

– Ну до весны... – сказал я озеру.

Стояла такая тишина, что было слышно, как шуршат снежинки. Казалось, что они торопятся опуститься на поверхность, чтоб скорее его согреть и убаюкать.

Единственная живая душа, попавшаяся мне на глаза в ту ночь, был ночной сторож Саид, который уже успел сходить домой за горячими лепешками (его дом – совсем рядом с зоопарком):

– Хай, дохтур?! Утка живой? Зима пришел. Чой, горячий, лепешка – мехурем?

– Не, рахмат. Я еще немного тут побегаяю.

– Мана лепешка! – Саид развязал большой красный поясной платок (который у таджиков служит одновременно поясом, походной сумкой и дастарханом) и, достав из него еще пышущую жаром и пахнущую одновременно хлебом и костром лепешку, протянул мне.

– Хай! Рахмати калон, Саид! – Поблагодарив сторожа и раскланявшись с ним, я засунул лепешку под свитер. Внутри сразу стало тепло и уютно.

Светало. Снег незаметно прекратился, окончательно заменив унылый пейзаж поздней осени зимней сказкой.

Кроме моих собственных следов и следов Саида, никаких других не было. Ни одна утка даже не крикнула. «Может, не успела?» – промелькнула коварная мысль.

Пришлось на всякий случай пробороздить все заснеженные кусты по берегам. Выбираясь из кустов, весь с ног до головы облепленный снегом, я столкнулся носом к носу с главной птичницей.

– Ну что, Дед Мороз, кого нам задрали сегодня?

– Погода сегодня, Галина Ивановна, нелетная. У вампиров в такую погоду эхолот не работает.

– Ну раз нелетная – пойдем чаем погреемся. Печеньем домашним угощу! Замерз небось совсем? – в голосе главной птичницы послышались нотки сочувствия.

– А это мы с радостью! – оживился я. – Меня как раз сторожа угостили домашней лепешкой, еще теплая!

– Хоть утки целы! Может, не придет больше хищник-то наш? Замерз где-нибудь на речке под снегом, – заключила Галина Ивановна, и мы поторопились к утреннему чаю.

День прошел спокойно, только в обед еще подсыпало снегу. Так что главной темой дня стало стряхивание снега с заборов, деревьев и проводов, чтобы они не оборвались под его тяжестью.

Прямо посреди зоопарка располагался небольшой яблоневый сад. Снег с таким азартом набросился на ветви деревьев, будто своим весом очень хотел положить все яблони на землю. Ветви деревьев, облепленные им со всех сторон, стали непомерно толстыми и тяжелыми, хотя выглядели очень пушистыми и легкими. Все провода превратились в толстые белые трубы, которые своим весом даже покосили некоторые электрические и телеграфные столбы.

Яблони нам удалось спасти. Тополя так отяжелели, что наклонились и готовы были вот-вот рухнуть. Некоторые пришлось спилить. А некоторые только лишились части своих веток. Снег в Таджикистане совсем другой, не как у нас в России. Тут фокус в резко континентальном климате. Под утро, как правило, мороз отпускает, а влажность увеличивается. На всех промерзших предметах – особенно на металлических поверхностях и на ветвях деревьев – выступает иней. И если в это время случается снегопад, то снег облепляет абсолютно все и со всех сторон, особенно то, что уже покрыто инеем. Ветви деревьев и электропровода начинают «пухнуть» от снега прямо на глазах, и за два-три часа такой снегопад может сломать почти любое нежное дерево или порвать провод.

А снег, как и дожди, в Душанбе случаются как раз по утрам. Днем благодаря яростному солнцу влажный воздух в долине прогревается и по законам физики поднимается вверх, в горы, остывает, превращается в тучи и к утру возвращается с ними дождем или снегом.

Еще здесь есть такая особенность, что если первый снег ранний, то и зима будет ранней, потому что долина, покрытая снегом и закрытая со всех сторон горами, начинает работать как холодильник. Снег на солнце тает быстро, а тот, что оказался в тени, продержится дольше. Холод в резко континентальном климате пронизывает до костей. Поэтому в такой долине иногда себя чувствуешь, как в ледяном погребе. Так что хоть и Азия, а снег и мороз здесь – стихийное бедствие.

Вечером на пару часов я отправился домой – хоть немножко окунуться в семью и выгулять барбоса. Уже когда я собрался уходить, Лот опять встал грудью у двери: «Ты куда дел ружье?»

– Нюхай, шпион, мы же с тобой погуляли! А мне, между прочим, на работу! – Я дал Лоту произвести полный таможенный досмотр. Он меня тщательно обнюхал и осмотрел со всех сторон. Ничего подозрительного не обнаружив, он недоверчиво сдал позиции, при этом успев стрельнуть своими карими брызгами: «Подозреваю, ты меня сегодня опять надул?!»

Через час я уже был опять в зоопарке.

Немного поболтал со сторожами, потом с ними же попил чаю. Вообще-то, чай здесь не то чтобы пьют. Чай это уже еда. Когда вас приглашают на чай, по-таджикски это произносится так: «Чой мехурем?» – что дословно значит: «Чай пробуем?» Конечно, вы можете услышать и «чой менушем», но это значит, что перед вами образованный человек, который вам чай предлагает пить. Но это совершенно не соответствует действительности, так как к чаю обязательно предлагаются лепешки и всегда немереное количество сладостей – изюм, сушеные инжир, хурма, дыня, курага, мед, орехи, разные сорта халвы, пахлава, нуга и обязательно печак. Печак – это такие небольшие подушечки из муки, сваренной с сахарной пудрой. И тут уж – держись, сладкоежка! Так что из-за чайного стола неподготовленный заранее гость выползает с трудом.

Пожелав сторожам доброй ночи, я нырнул в подсобку аквариума, и на этот раз тело даже не пришлось уговаривать – так быстро оно опрокинулось в глубокий сон.

В четыре часа утра несколько глотков горячего чая наполнили меня теплом. Но не время расслабляться! Надо разобраться с вампиром. Сегодня он непременно появится.

От тишины звенит в ушах. Я решил проверить берег длинного озера, тот, что со стороны забора. Перемахнув через невысокое ограждение, начал осмотр. Еще накануне я обнаружил совсем небольшой лаз, который стал хорошо заметен только на снегу. Лаз был настолько узкий, что там могла пролезть разве что очень стройненькая лисичка. На арматуре, торчавшей из бетона, я обнаружил клочок рыжеватой шерсти. Вот и решил проверить: нет ли там, на свежем снегу, следов?

Следов не было. Я обрадовался тому, что если сегодня хищник и появится, то все равно я здесь уже первый, и трусцой убежал в аквариум – устроиться на заранее подготовленном месте. Просидел я совсем недолго, как вдруг в дыре промелькнула какая-то тень. Я начал вглядываться, но больше ничего не увидел. Тогда я опять к забору. Никаких следов нет! Кроме моих.

Показалось.

Я вернулся назад и опять уютно устроился в своем гнезде, плотно закутавшись одеялом.

Тишина.

И в этой тишине меня начали терзать сомнения, и я решил проверить центральное озеро со стороны главного входа. Кроме моих были еще только следы сторожей. Пять утра. Неужели и сегодня не придет?

Раздосадованный, я занес ружье в лечебницу и, захватив печак и печенье, отправился к сторожам на утренний чай. Когда уже подошел к сторожке, возле самых ворот хоздвора, меня как током шарахнуло! На хоздворе из-под ворот по нехоженому снегу тянулась тонкая струйка следов! Следы явно лисьи. Я помчался за двустволкой и потом сразу пошел по следам. Они привели на круглое озеро. Сжимая замерзшими пальцами ружье, я замер и внимательно осмотрел все вокруг. На озере полоска следов вела прямо к мускусной утке, которая лежала на боку с неестественно вытянутой шеей. Я подошел к ней – шея аккуратно вскрыта, кровь капельками стекала на снег, но утке я уже ничем помочь не мог. От утки следы вели уже в другую сторону – к центральным воротам. Я помчался туда. За воротами они, обогнув зоопарк, убежали к речке. Там следы начали петлять. Разъяренный, я метался во все стороны, но лиса как сквозь землю провалилась. Я бегал вдоль речки, и мне казалось, что на меня отовсюду смотрит хитрая рожа и я даже чувствую ее запах.

Осмотр следов показал, что лиса действительно подходила к дырке в заборе и даже двумя лапами залезла внутрь. И это был не мираж! Я ее действительно видел! Но там ее отпугнул запах моих свежих следов, и она просто сделала обходной маневр, явилась в зоопарк с другой стороны. Не побоялась прошмыгнуть мимо сторожей и сделала это, как раз когда я заносил ружье!

Ну зараза! Шапку я из тебя теперь точно сделаю!

На этот раз на пятиминутке даже Галина Ивановна слушала мой доклад, затаив дыхание. Может, потому, что мускусные утки в зоопарках имеют скорее нарицательную ценность, чем экспозиционную, а может, всех уже начинала захватывать полная драматизма охота.

Выбраться на ночное дежурство удалось только на третий день. Все эти дни прошли в напряженном ожидании. Лиса не появлялась. Ну думаю, пора-пора.

В следующую ночь я решил сам стать лисой. Раз ты такая хитрая, то и я что-нибудь придумаю. С утра пораньше, часа в три, я хорошо побегал от ворот до ворот и как следует наследил. Специально! А озеро возле аквариума осталось окутанным тишиной и покоем.

Озеро почти все стянуло льдом, хорошо присыпано снегом, и только посередине оставалась большая полынья.

Все птицы на виду – либо в воде, либо вокруг полыньи. У меня возникло такое ощущение, что воду они «греют» по очереди. То есть полынья никогда не пустует, даже ночью. Утки, которые отработали свое дежурство, выбираются на лед и загоняют других уток в воду. Чтоб не сачковали. Так вода даже и не успевает прихватиться льдом. А холода и легкие морозы большинство уток и даже лебеди переносят легко, лишь бы хватало еды.

В холодной лечебнице выспаться не удалось. А когда я устроился на своей точке, в тулупе да под одеялом, меня разморило. Тело требовало хоть кусочка непродолжительного сна. Сколько мог, я с ним боролся. Но он победил.

Когда я очнулся, стрелки показывали около пяти. Утки копошились возле полыньи, и все вокруг было подозрительно спокойно. Первым желанием было вскочить и бежать по всем озерам, но тут же взял себя в руки. Ну думаю, не-е-е-ет, сегодня ты меня не проведешь! Буду сидеть до упора.

От напряжения кусты, сливаясь со снегом в какое-то серое месиво, начинают «плыть», а потом и шевелиться. А может, это опять начинаю «плыть» я. И вдруг среди этого хаоса я четко увидел лисью морду, появившуюся уже из-за дерева возле забора. Морда появилась совершенно бесшумно, как призрак, и так же тихо исчезла. Я прозевал, как она прошмыгнула через дыру в заборе! Минуту я просто не дышал, а ствол ружья между тем беззвучно лег в оконный проем.

Кусты больше не шевелились!

Лиса неожиданно появилась в другом месте, немножко поодаль, и как-то уж очень неторопливо и спокойно потрусила в сторону уток. Я нажал на курок.

...

Тишина?!?!

Пока я сообразил, что ружье не снято с предохранителя, – лиса исчезла! Почти месяц этого противостояния я столько раз репетировал, что сегодня забыл снять предохранитель! Хоть про патроны не забыл!

Через несколько минут, показавшихся вечностью, лиса появилась из-под заснеженных кустов уже на самом краю озера. Несколько секунд я упустил, пытаюсь разглядеть, действительно ли это лиса, а не утка. Не хватало мне моей любимой главной птичнице уток настрелять!

До уток лисе оставалось метра три.

Так до сих пор не пойму – то ли я первый выстрелил, то ли она первая сделала рывок в сторону уток. Из ствола вылетел снап огня, и несколько секунд я ничего не видел и только слышал крикание. Загнав в ствол еще один патрон, я выбежал на улицу. Вокруг полыньи суетились утки. А где же лиса? Неужели промазал? Или ранил?

Если ранил, она непременно попытается уйти, на этот раз тем же путем, что и пришла, другого просто нет, промелькнуло в голове, и я перекрыл ей путь к отступлению, заняв очень выгодную позицию как раз возле отверстия в заборе.

Лиса не появлялась, и я направился к тому месту, где видел ее в последний раз. Нашел я ее в кустах. Уже после выстрела она успела развернуться и немного проползти в сторону спасительного отверстия.

С другой стороны озера показался Саид:

– А, дохту-у-р?! Твоя стрелял?.. Лиса убива-а-ал? – протянул он как-то нараспев.

– Да куда же ей от нас деваться! – бросил я через озеро.

– Хош! Чой хурдам?

– На менушем, рахмат Саид!

Я сидел напротив убитой лисы и совсем не испытывал по этому поводу никакой радости. Конечно, хорошо, что я попал и что шапку из этой «выдры» все же сделаю. Будет тебе наших уток драть! Я взял лису за хвост. Обдумывая, каким способом лучше выделывать шкурку, добрался до лечебницы.

Но когда я положил тушку на анатомический столик и включил свет... Это был старючий-престарючий лис! Страшно худой. Плохо полинявшая с лета шерсть торчала рыжими и серыми клочьями, а местами он был просто лысый. Одно ухо прошито дробью, как решето (кто-то постарался еще задолго до меня). Из зубов осталось несколько коренных, а спереди торчал всего один клык, которым он так ловко и орудовал. Но кусать и жевать он уже не мог, оставалось только пить. По удивительному стечению обстоятельств в него попали всего несколько дробинок. Две из них прошили сонную артерию и яремную вену. Еще в первую ночь я думал, какую бы закатать в патрон дробь, чтоб шкурку не попортить, если это действительно окажется лиса. Остановился на «тройке».

Как это ни покажется смешно, но я действительно шкурку ему не испортил.

С его холодеющей тушки фейерверком вылетали полчища блох...

Мне очень не хотелось выкидывать старого мудрого лиса ни на помойку, ни в яму Беккари.

Здесь я опять поступил не как ветеринар. Я отнес Лиса на речку, с которой он к нам и приходил. Вода пела свою нескончаемую журчащую песню.

Немного послушав эту вечную мелодию, я опустил Лиса в воду. Морозы здесь хоть и бывают, но не такие крепкие, чтоб остановить бегущую горную речку. Вода его бережно приняла и, плавно увлекая за собой, отправила вниз по течению, в долину реки Кафирниган.

– Прощай, Братец Лис!

Радж

Первым моим проводником по зоопарку стал Георгий Васильевич. Он хорошо знал животных и любил за ними наблюдать. Он же открыл мне и некоторые первые секреты. В частности, я узнал, что больше всего о состоянии наших подопечных можно узнать рано утром и вечером.

Вот по этой причине утренний и вечерний обходы у меня превратились в ритуал. В первый раз, отправившись с ним, я спросил Василича, когда мы уже почти завершили осмотр:

– А что, слонов у нас нет?

– Так мы же вокруг них полчаса ходили! – Василич изумленно развел руками. Он естественным образом посчитал, что меня необходимо познакомить, скажем, с лемуrom галаго, которого я мог просто не заметить, с Потапом, потому что они друг друга обожали, или со львом, который хоть и в клетке, но – все-таки царь.

А слоновник располагался в самом центре зоопарка таким образом, что все остальные клетки находились вокруг него. Вот мы и ходили почти все время спиной к слоновнику, не замечая гигантов. Впоследствии я не раз слышал, как многие посетители, проходя мимо,

тоже спрашивали: «А где у вас слоны?» Вот и я в первый раз их не заметил, совсем как в той басне.

Со временем при обходе начинаешь видеть и понимать очень многие вещи. И здесь уже нет мелочей. Кто-то не так стоит, кто-то опустил голову или повернул в одну сторону, кривит спину, другой вроде и не хромает, но ходит как-то иначе, не так дышит, не так пьет или оправляется, не так смотрит. И чем раньше удастся распознать какое-то изменение в поведении животного, тем скорее и эффективнее можно что-то предпринять. Мало того, я для себя сделал удивительное открытие: многие животные, когда их начинаешь лечить, живо откликаются на твои действия и идут навстречу. Правда, здесь очень важно, как это делаешь. От врача в первую очередь зависит, как будут восприняты его действия. Хотя, конечно, это правило распространяется далеко не на всех животных.

Слоны в животном мире – интеллектуалы. И хотя работать с ними совсем не просто из-за их исполинского размера, но вместе с тем и очень интересно.

Наш слон с благородным именем Радж, естественно индийский, был не больно велик, не чета своему африканскому брату-исполину. Ну а Инга, его подруга, в мире слонов, наверно, и вовсе бы прослыла за Дюймовочку. Но тем не менее – слоны.

Ухаживал за ними, под стать им, очень рослый и крепкий мужчина по имени Амин. Кроме него подойти к слону никто бы и не рискнул. Хотя один такой «смельчак» однажды нашелся; правда, у него имелось смягчающее обстоятельство – он был немножко «под мухой». Насмотревшись фильмов про добрых индийских слонов, он воспылал нежностью к Раджу и полез к нему через ограждение целоваться. Посетителю удалось проскользнуть за спиной Амина, когда тот разгружал для своих подопечных комбикорм. «Смельчак» сразу попал на хобот Раджа.

Рекламная пауза...

Дорогие посетители зоопарка! Все, что написано на предупредительных надписях зоопарков, – ЧИСТЕЙШАЯ ПРАВДА! И за ограждения, действительно, заходить не следует! Безопасности вам там никто не гарантирует.

А лично я не обещал бы безопасности и просто на аллеях зоопарка.

Конец рекламной паузы...

Амин спиной почувствовал что-то неладное, но когда развернулся, подвыпивший любитель слонов был уже в воздухе. Радж быстро понял, что поступил не очень хорошо и что Амин сейчас будет сердиться. Поэтому опустил свою «игрушку» прямо на невысокий бетонный оградительный вал, сплошь утыканный острыми стальными шипами (чтобы у слонов не возникало желания по ним погулять). «Смельчак», оказавшись прочно пришитым к ограде, не мог ни пошевелиться, ни произнести ни звука. Амин, не иначе как на адреналине, снял посетителя с шипов одной рукой, словно кузнечика с булавки, и оттащил в сторону.

Когда зеленый от страха и шока посетитель оказался у нас в лечебнице для оказания первой помощи, у него, как ни странно, даже еще остались силы для шуток. На предложение сесть он ответил крылатой фразой:

– Спасибо, я пешком постою!

Раны у любителя слонов в действительности оказались не такие страшные, как могло показаться, но уехал он из зоопарка на «Скорой помощи». На всякий случай.

Радж не упускал возможности отомстить тем посетителям, которые кидали в него камешки. Больших камней на аллеях не найдешь, а вот маленькие кое-где им удавалось выковыривать. Радж терпеливо сносил надругательство, не проявляя никаких эмоций. Потом дожидался, когда посетитель пойдет в обход слоновника, и, как только тот исчезал из виду, трусцой бежал за своим любимым оружием – шариком испражнения. Надо сказать (если еще кто не видел), у слона эти «шарики» по форме почти как у козочки, ну а по размеру – с хоро-

ший арбуз. Когда посетитель появлялся с другой стороны слоновника, его ждал сюрприз. Удивительно, как такая гора мяса может передвигаться совершенно бесшумно, а когда надо – и очень быстро! Благо, что шарики были мягкие и никакого серьезного телесного ущерба посетителю не наносили. Если готового шарика под хоботом не оказывалось, то обидчика ждал душ. Возле слоновника мы никогда не ругали посетителей за то, что они беспокоят Раджа, – тот умел постоять за себя.

Однажды в слоновнике засорился как раз тот самый арык, из которого Радж брал воду на полив посетителей. Вода из арыка ныряла под бетонное ограждение в трубу диаметром сантиметров десять-пятнадцать. Амин долго и безуспешно пытался долбить затор длинным куском стальной арматуры. Но арматуры не хватало на всю длину трубы. Поэтому Амину приходилось ее ковырять с двух сторон, но, как он ни старался, продвинуться ему не удавалось.

Радж какое-то время внимательно наблюдал за Амином, потом подошел, аккуратно хоботом отодвинул служителя в сторону. После этого, выдернув из трубы арматуру и отбросив ее в сторону, вставил хобот и как следует дунул. С другой стороны, как из гаубицы, вылетел квач из плотно спрессованных листьев. Вода опять побежала по арыку. Амин, не глядя на слона, поднял арматуру и, довольно покачивая головой, поблагодарил:

– Ай маладес, Радж, ай рахмат! (Молодец, Радж, спасибо!)

Потом, уже в воротах оглянувшись, недовольно добавил:

– Хитрый, да? Чего раньше думал, а?

Иногда казалось, собственно и не казалось, а это так и было на самом деле, что они друг друга понимают с полуслова. Как-то Амин в слоновнике чистил дно бассейна: лопатой черпал мусор, накопившийся на дне, и заполнял им ведра. Радж внимательно за этим наблюдал. Заполнив все ведра, Амин обратился к слону.

– Эй, бизделник, памагай!

Радж аккуратно подцепил хоботом дужку ведра и опустил его на тележку, которая стояла наверху рядом с бассейном, а пустое подал Амину.

Однажды – дело было в середине лета – в лечебнице появился сердитый Амин и бросил с порога:

– На Раджа нога болит, иди сматри! – развернулся и ушел.

Радж прихрамывал на заднюю ногу. Из-за боли он обиделся на весь мир и не подпускал к себе даже Амина. Вот почему тот был такой сердитый. В этот день как следует осмотреть слона так и не удалось. Радж почти не двигался, стоял посреди вольера и к ограде не приближался. Амина, который к нему пытался подойти, отталкивал хоботом. Не удалось его осмотреть и на следующий день. На третий нога уже сильно распухла, и слон на нее совсем не опирался, заменив ее при ходьбе хоботом. Что-то надо было срочно предпринимать.

– Юрич! А представляешь – подохнет! Вскрывать в водолазном костюме будешь, я-то туда по инвалидности не полезу! – пытался немножко разрядить атмосферу Георгич.

Принудительно зафиксировать слона, конечно, можно, но связано с определенными трудностями, и делать это на ограниченном пространстве довольно рискованно, прежде всего для самого слона. Но делать что-то необходимо! Плохо представляя себе план дальнейших действий, я приготовил тазик мази на основе ихтиола и березового дегтя. С тазиком я и присел в слоновнике возле ограждения, уговаривая Раджа показать ногу. Слона неожиданно привлек запах мази, и он, подойдя совсем близко, начал у меня выпрашивать тазик.

– Нет, – говорю, – сначала покажи ногу.

Амин, который стоял рядом, тоже принялся его убеждать:

– Раджа! Зиволичь! Нога давай! Бойся не! Амин лечить будет, дохтур не будет!

В результате этих переговоров в мозгу слона все же произошло какое-то замыкание, и он, развернувшись к нам задом, не просто показал, но, встав на колени, даже просунул ногу

между стальными швеллерами ограждения. Из пятки слона торчал громадный, загнутый крючком, гвоздь. Амин быстро прихватил его пальцами и сильно дернул. Гвоздь остался в его руке, а Радж, подпрыгнув от боли, оглушил нас на несколько секунд своей иерихоновой трубой.

Успокоившись, слон опять попросил тазик. «Ногу он теперь точно не даст, – подумал я. – Дам-ка я ему мази, если что, еще приготовлю».

Вывалив половину тазика на большой и плотный кусок крафта, я пододвинул его так, чтобы слон мог достать. Радж затащил кусок к себе и, запустив хобот, набрал какое-то количество мази. После чего начал ее аккуратно наносить на ногу. Потом еще.

Больше всего меня поразило, что мазал он в основном по ходу нервных стволов и вен, как с наружной, так и с внутренней стороны.

– Ай, Радж, сабака, маладес какой! – улыбался Амин.

– Это ты молодец, Амин, что успел с первого раза выдернуть гвоздь, второй раз он бы нам уже не позволил.

За всей процедурой, ритмично покачивая головой, очень внимательно наблюдала слониха Инга. Она вообще-то всегда качала головой, независимо от ситуации, – у нее этот тик остался еще из прошлой жизни, когда она работала в цирке. Инга вообще никогда и ни в чем не мешала, не поддерживала и не противилась Раджу, являя образец для подражания женам всех времен и народов.

Из любопытства она несколько раз пыталась с разных сторон подобраться к мази – хотя бы ее понюхать. Радж каждый раз отодвигал ее своим корпусом в сторону. Окончив наконец «намаз», Радж подобрал хоботом кусок крафта с остававшейся на нем мазью, вытер его о большую «пятку», затем, описав хоботом в воздухе большую дугу со всего размаха вlepил им Инге прямо в лоб: «Нюхай!»

Инга попятилась назад, сбросила кусок крафта, но остатки мази размазала хоботом по ушам. Чем-то слонам запах и состав мази весьма пришелся по вкусу.

На следующее утро в моем кабинете появилась хитрая усатая физиономия Амина:

– А, дохтур, вкусный мазя немножко давай! Радж хорошо!

Вообще, что бы слоны ни делали, это всегда необычно: как они с аппетитом отправляют в рот буханку за буханкой, словно это маленькие кнайпики, как неторопливо перемалывают своими жерновами ветки толщиной с человеческую руку.

Конфеты, заброшенные слонам, чаще всего доставались Раджу. В обертке он никогда их не ел, непременно очень аккуратно разворачивал, действуя при этом хоботом и лишь немного помогая ногой. Попробуйте развернуть конфету двумя пальцами и пяткой... То-то!

Хобот у слона очень чувствительный, говорят, что он может поднять с земли швейную иголку.

С Раджем любил развлекаться Василич. Носил ему разные лакомства. Однажды как-то перед Новым годом пару раз угостил его мандарином. (Мандарины тогда в Душанбе были большой редкостью, и дети, например, получали мандарины только раз в году в новогодних подарках.) Вскоре после этого, уже первого января, идем мы с Василичем мимо слоновника, а у Василича в кармане остались один мандарин и один лимон. Радж подошел к ограде и тут же получил любимый мандарин. Благодарно покачав головой, попросил еще. Василич, решив над ним подшутить, сунул ему и лимон.

Слон какое-то время покрутил подношение хоботом, обнюхал его со всех сторон. Потом уверенно отправил в рот. После двух движений челюсти он крепко изменился в «лице», засунул хобот обратно в рот и, брезгливо вытащив оттуда раздавленный лимон, запустил им в Василича. Тот успел увернуться, и мы, посмеиваясь и ни о чем худом не подозревая, пошли дальше. Когда мы обошли слоновник вокруг, Василич про шутку с Раджем успел забыть. Но Радж не забыл и не простил. За углом слоновника нас ожидал обильный душ.

Увернуться не успели ни я, ни Василич. Для первого января ощущение не из приятных. С этого дня Радж нас частенько встречал холодным душем. Любите шутки – давайте шутить!

Слоны обладают очень богатым набором поведенческих реакций. Некоторые из них иногда могут поставить любого человека в тупик.

Однажды между слоновником и обезьянником, на разделительной полосе с высокой высохшей травой, от брошенного окурка начался пожар. Собственно, о пожаре сообщил сам Радж. Подняв хобот вверх, он бегал вокруг своего бассейна и трубил. В этом отрывистом звуке явно слышалась тревога. Когда мы добежали до места происшествия, Амин уже черпал ведром из бассейна воду и кричал слону.

– Э, Раджа! Бизделник, вада давай!

Радж очень быстро сообразил, что от него требуется, и, набрав полный хобот воды, в один заход погасил весь огонь.

– Ай, Раджа маладес! Ай, спасибо! – как ни в чем не бывало Амин поблагодарил слона, будто тушить пожары для них привычное дело.

Очень не любил Радж наш ДУК: самоходную машину, предназначенную для дезинфекции больших помещений. Возможно, потому, что ДУК чем-то напоминал слону конкурента. ДУК во время работы издавал достаточно шума, чтоб обратить на него внимание, и к тому же у него был длинный «хобот», которым он мог все вокруг поливать. Когда началась дезинфекция, Радж частенько старался перекрычать соперника. ДУК приезжал по понедельникам, когда слону разрешалось играть с крышкой. Так вот, однажды слон прицельно запустил баллон в кабину машины и попал по капоту. Подозреваю, что слон умышленно целился конкуренту прямо в «голову». К счастью, никто не пострадал.

Иногда наши слоны отправлялись в «далекое путешествие». Инга всегда шла впереди, а Радж, зацепившись хоботом за кончик хвоста, следовал за ней. Так как идти им было некуда, двигались они вокруг бассейна. Мне иногда казалось, будто слоны думают, что если идти вокруг бассейна очень долго, то можно, наконец, куда-нибудь прийти. Может, в страну, где есть чистые озера, большие реки и зеленые-зеленые джунгли.

Рома, Бой и Катерина

Обычно, если гиббон Рома с утра поет, обход обезьянника можно не делать – все здоровы. Как правило, летняя эпидемия – расстройство желудка – начиналась с него либо с шимпанзе. Уж что только мы не делали и чем только не дезинфицировали клетки. Но как лето, так всё. А иногда и все. Включая обслуживающий персонал.

Сейчас кто-нибудь из братьев-ветеринаров подумает: да у вас там, батенька, полная антисанитария происходила. Эх, коллеги! Вас бы туда на сорок градусов в тени и по одному водопроводу на гектар.

А жара у нас летом стояла крепкая.

В один такой нестерпимый знойный день после обеда выполз я из лечебницы на порог. Ходить было тяжело, поэтому все мы медленно передвигались. Порог цементный, и это последняя точка, на которой можно находиться в безопасности, то есть не на солнце. Дальше – асфальт. Раскаленный асфальт, который в это время суток начинает активно плавиться и течь. А на том самом пороге, на который я выполз, сидела большая, пузатая, черная муха. Когда муха увидела, что к ней что-то приближается, она немного подвинулась. Но не улетела.

– Что, – говорю, – тоже мотор перегрелся?

Муха, присев на передние лапки, приняла стартовую позицию. Потом успокоилась и расслабилась.

А мне интересно стало: неужели и муху, как меня, на жаре разморило? И немножко подвигаюсь к ней. Муха, наконец, заволновалась и включила пропеллер. Но сразу не взлетела. Видать, сначала надо было охладить потоком воздуха летательный аппарат. Несколько секунд прожужжав, она очень тяжело, но все же взлетела. Лететь ей предстояло через самое пекло. А следующая тень только через семь метров, возле кухни. Набрать высоту мухе не удалось, и она пошла на брющем полете над самым асфальтом.

– Не долетит... Подохнет, – услышал я сзади голос Георгича, который с любопытством за нами наблюдал.

Муха очень старалась, прибавила обороты, но, даже несмотря на включенный форсаж, начала катастрофически терять высоту. До спасительной тени муха не дотянула буквально полтора метра и, врезавшись в ступеньку кухонного порога, рухнула на раскаленный асфальт. Эх, если бы не этот предательский порог! Прожужжав по асфальту на спине два небольших кружка, она закончила свою эволюцию.

– Вот это жара!.. – даже местный старожил Георгия удивился.

Да, так вот расстройства ЖКТ (желудочно-кишечного тракта) начинались всегда либо с Ромы, либо с шимпанзе. Да-да, это случалось иногда и из-за перегрева. Тепловой удар – по-нашему.

С шимпанзе и другими обезьянами было несколько проще: большинство из них после непродолжительной диеты не то чтобы с удовольствием, но все же иногда соглашались на рисовый отвар с фталазолом. А вот Рома... Рома был готов умереть с голоду, только бы не принимать лекарство. Приходилось его ловить.

Вообще, кому-кому а гиббонам на большие вольеры точно места не надо жалеть! Вся красота и грация этой обезьяны раскрывается именно в полете. Особенно эффектно, когда их вольер спланирован таким образом, чтобы гиббоны имели возможность преодолевать большие расстояния по воздуху. В джунглях гиббон не обезьяна, а настоящая птица. Раскачиваясь и перебираясь с лианы на лиану, они так лихо набирают скорость, что способны преодолевать по воздуху до семи метров и более. Но у нас Роме в полное удовольствие полетать не удавалось, хотя клетку ему выделили совсем не маленькую. Но зато нам его было не так сложно ловить.

Так вот, когда Рома здоров – поет и летает, а как заболит – сядет на пол, собрав под себя лапки, свернется в клубочек и становится похож на маленького паучка. И силушки даже нет убежать от сачка. Иногда, скорее для порядка, полетает по клетке, чтоб нам жизнь малиной не казалась. Чем-то Ромку привлекали редкие и всегда взлохмаченные волосы Василича, каждый раз он упорно пытался уменьшить их количество. Пролетая во время прыжка, вроде как-то даже и в стороне, он умудрялся вытянуть лапу, зацепить Василича и выдрать очередной клочок. По этой причине Василич не любил ходить к Саймиру так как к бегемоту приходилось пробираться в опасной близости от Ромы. Меня почему-то гиббон не трогал, несмотря на то, что с моей макушки рвать было гораздо удобнее, а главное, можно больше зацепить. Наверное, боялся. Может, моя грива активизировала у него отделы мозга, в которых записана память про львов?

Бегемот Саймир очень любил наблюдать, как ловят Рому. Подплывал к поребрику, клал на него голову и внимательно следил за нами, только что советов не давал.

Пойманный Рома никогда не сопротивлялся и, только с ненавистью поглядывая на спринцовку, вставленную ему в рот, постанывая, глотал «отраву».

Однажды, когда Рома был совсем плох, я на нем испытал свой глинтвейн, заваренный на гранатовой корке. Понравилось. Даже уговаривать не пришлось. Запел уже через десять минут. Я его потом частенько этим лекарством баловал. А может, поэтому он меня и любил. Но не скажу, чтобы сильно.

Окончательную победу над поносом подсказал медведь Потапыч. Он любил выпрашивать у меня лакомства, среди которых оказались и листья яблони. Как-то раз во время очередного расстройства я ему наломал веток ивы, памятуя о том, что в ней достаточно вяжущих и дубильных веществ. Результат превзошел все ожидания. Во-первых, они ему пришлись очень по вкусу. Во-вторых, на следующий день он был абсолютно здоров. А в-третьих, я испытал это средство на себе. Гораздо приятнее левомецетина, а главное – не менее эффективно. И, наконец, четвертое – все обезьяны с удовольствием едят листья, ведь в естественной среде обитания листья составляют основу их рациона.

После этого в критические дни кашу и хлеб с повидлом, которые обезьяны получали каждый день (детский сад – как я ни боролся с бутербродами, последние победили), по моей настоятельной просьбе заменили на листья яблони и ивы. Правда, с агрономом по этому поводу у меня несколько раз выходил конфликт. Она, естественно, выступила в защиту яблонь. Всякий раз я извинялся, ну а потом оказалось, что яблони и ива произрастают в нашем подсобном хозяйстве. И проблемы с диспепсиями закончились. Так что, когда к нам прибыл шимпанзе по кличке Бой, я уже открыл для себя средства лечения расстройств желудочно-кишечного тракта.

Самца шимпанзе прислали «по заявке» Кати – его будущей подруги.

Новый обитатель представлял собой жалкое зрелище. Глаза впалые, еле живой, несчастный, вонючий...

Только прибыл в зоопарк, а его уже надо лечить.

Это человеку можно объяснить: вот, на три дня таблетки плюс диета! Иначе помрешь. А в обезьяну эту таблетку надо еще как-то затолкать, да еще три-четыре раза в день.

Привезли его в транспортной клетке, а как он при этом выглядел – я уже описал. Хотя по документам числился – здоров.

Георгич, оценив общее состояние новоприбывшего, выдал свое обычное заключение: – Подохнет.

Обычно это означало, что состояние очень тяжелое, но есть надежда. А когда надежды не было, он молчал или просил сто грамм.

Пока Бой находился в транспортной клетке, его удалось отмыть, осмотреть и даже послушать. Когда он увидел шланг с водой, то, к нашему всеобщему удивлению, хоть и с тру-

дом, но безропотно подставил под струю самые испачканные места, похоже, ему и самому не хотелось ходить грязнулей.

С диагнозами, с которыми необходимо определиться у животных, все обстоит не так просто. А если еще животное дикое, нестандартных размеров и с непредсказуемыми реакциями, то сложность постановки диагноза умножается как минимум на три. Находясь возле клетки с очередным ребусом, я очень часто ощущал себя древним китайским диагностом, которому предстояло выяснить причину недомогания дочки императора. Дело в том, что императорскую особу не разрешалось ни видеть, ни слышать. Лекарь имел право только прослушать пульс на ее руке, протянутой из-за занавески.

У зоопарковского доктора задача несколько иная. Смотри на пациента, сколько хочешь, но вот потрогать его не так просто. Постепенно хороший наблюдатель становится хорошим диагностом, а став хорошим диагностом, наконец, становится настоящим врачом. Как говорили древние эскулапы: «Quo bene diagnosis bene curat!» – Кто лучше диагностирует, тот лучше и лечит.

К счастью, самец позволил Георгичу который у нас был специалистом по сердцам и легким, прослушать себя.

– Легкие в порядке, а мотор плохой, хилый какой-то, и небольшая аритмия, но еще поживет, – вынес свое заключение Георгич.

Примерный диагноз выглядел так: «Подозрение на миокардит, возможно – мелкоочаговый инфаркт, энтерит, общее истощение».

После осмотра и душа Бой немного пришел в себя. Мы решили его выпустить на карантин в летний вольер. Катю на это время заперли в «зимнике». Специального места для карантина обезьян у нас не было.

Равнодушно поглядывая по сторонам, Бой неторопливо перебрался из транспортной клетки в вольер. Самец был действительно весьма плох, поскольку почти не исследовал новое помещение и, только зацепив мешок, выданный ему для подстилки, забрался в дальний угол. Сев на корточки, он накрылся мешком и безразлично уставился в одну точку. Кажется, ему настолько все тошно, что он хочет просто спрятаться от этого мира подальше, только бы его никто не трогал.

Нашей ветеринарной троице предстояло решить совсем непростой вопрос. Бою необходимо назначить какое-то лечение. Но одно дело назначить, а другое дело – выполнить все то, что назначили.

На первых порах решили дать ему отдохнуть и не мучить в таком состоянии фиксацией и уколами. Все дело в том, что к нам в зоопарк привезли не просто какую-то обезьянку, а человекообразную. И не просто шимпанзе. А того самого Боя, который был участником многочисленных экспериментов, проводившихся ленинградским институтом физиологии, и в том числе участником довольно известного псковского эксперимента, во время которого группу обезьян выпустили на остров. До этого он обитал в лабораториях института.

Какие конкретные исследования проводились над Боем, нам не сообщили. И даже не посчитали нужным прислать хотя бы историю болезни или какую-то карточку наблюдений за динамикой состояния животного в процессе экспериментов. Мы не стали гадать на кофейной гуще, пытаюсь определить, через какую «мясорубку» ему пришлось пройти. Но некоторые вещи, конечно, были очевидны. Обезьяна, вне всякого сомнения, хорошо прирученная, скорее пребывала в лаборатории с раннего детства. А списана с экспериментов по состоянию здоровья либо по возрасту. Не потому, что уже старая, а просто достигла того возраста, когда начинает качать права и повышать свой иерархический статус в стае. (Бой, возможно, желал сделать своей стаей всю лабораторию, в которой обитал.) То есть обезьяна стала неуправляемой, а следовательно, неудобная в экспериментах. А это значит, что контакт с обезьяной установить будет довольно просто, но вот панибратски заходить в клетку не следует.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.